

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 13, Is. 1, pp. 17–25, 2020
 DOI: 10.22162/2619-0990-2020-47-1-17-25
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 340.141, 94

Уложение Китайской палаты внешних сношений как источник обычного права тувинцев

*Вера Монгушевна Дамдынчап*¹

¹ Тувинский государственный университет (д. 36, ул. Ленина, 667000 Кызыл, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, заведующая кафедрой всеобщей истории, археологии и документо-
 товедения

 0000-0001-8477-7578. E-mail: damdvera@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Дамдынчап В. М., 2020

Аннотация: *Введение.* Формирование в современной России правового государства невозможно без учета правового многообразия, исторически сложившегося на ее территории. История Тувы связана с монгольскими государствами, Цинской империей, начиная с XIII в. и до 1911г. На обычное право тувинцев оказали влияние монгольские нормы, ставшие основой и для маньчжурского законодательства. *Целью* статьи является источниковедческий анализ Уложения Китайской палаты внешних сношений как источника обычного права тувинцев. В статье использованы *методы* описания и анализа исторического источника, историко-сравнительный метод и принципы историзма и объективности. В результате автор делает *вывод* о том, что Уложение является важным источником права Цинского периода, в котором отражены нормы кочевого общества. Сделанные автором выводы вносят вклад в изучение обычного права кочевых народов России, процесса правовой аккультурации и правового плюрализма.

Ключевые слова: обычное право, правовой плюрализм, правовая аккультурация, Тува, Цинская империя

Для цитирования: Дамдынчап В. М. Уложение Китайской палаты внешних сношений как источник обычного права тувинцев // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 1. С. 17–25. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-47-1-17-25

UDC 340.141, 94

The Code of China's External Relations Chamber as a Source of Tuvan Customary Law

Vera M. Damdynchap¹

¹Tuvan State University (36, Lenin St., 667000 Kyzyl, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Head of Department of World History, Archaeology and Records Management

 0000-0001-8477-7578. E-mail: damdvera@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Damdynchap V. M., 2020

Abstract. *Introduction.* Modern Russia's sustainable legal framework is impossible without due regard for the historical legal diversity of its territories. From the 13th century to 1911, Tuvan history had been tied to that of Mongolic states and the Qing Empire. The customary law of Tuvans was influenced by Mongolian norms which formed the basis for Manchu legislation too. *Goals.* The article seeks to analyze the Code of the Chinese Chamber for External Relations to have served a source of customary law for Tuvans. *Methods.* The study employs source description and analysis methods, the historical comparative method, with special emphasis laid on principles of historicism and objectivity. *Conclusions.* The paper resumes that the Code is an important source of Qing-era law that provides insight into nomadic social norms. The results obtained may contribute to exploration of customary law of Russia's nomads, processes of legal acculturation and pluralism.

Keywords: customary law, legal pluralism, legal acculturation, Tuva, Qing Empire

For citation: Damdynchap V. M. The Code of China's External Relations Chamber as a Source of Tuvan Customary Law. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13. No. 1. Pp. 17–25. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-47-1-17-25

Введение

Правовое развитие современной России невозможно без учета правового опыта ее народов. Первым документом в истории российского законодательства, взявшего за основу обычное право сибирских народов, является «Устав об управлении инородцами» 1822 г. М. М. Сперанского. Опыт правовой аккультурации оказался позитивным и был распространен на своды законов для управления народами Кавказа, Средней Азии. Территория Тувы с середины XVIII в. попала в состав маньчжурской империи Цин. И до начала XX в. системы управления и права Тувы подчинялись законодательным актам Цинской империи. В этом отношении особый интерес вызывает у исследователей Уложение Китайской Палаты внешних сношений (далее — Уложение). Цинские власти тоже стремились к аккультурации монгольского обычного права, разработав два нормативно-правовых акта для управления подвластными территориями Монголии и Тувы. В статье предпринята попытка источниковедческого анализа Уло-

жения как источника для изучения обычного права тувинцев. Методология работы основана на источниковедческом анализе данного свода законов, для более объективного описания использован историко-сравнительный метод, принципы объективизма и историзма. В исторической литературе, посвященной Туве, Уложение стало основным источником для реконструкции политического, социально-экономического развития Тувы в период господства Цинской империи. Научное изучение источников и их анализ начались в советское время. Первым исследователем, который ввел в научный оборот Уложение, можно считать В. А. Рязановского [Рязановский 1931: 97]. В экспедиционных материалах Ф. Я. Кона есть упоминание об Уложении без подробного анализа [Кон 1934]. В описаниях Урянхайского края в 1915 г. А. А. Турчанинова отмечалось наличие китайского законодательства, которое применялось в системе наказания [Турчанинов 2009]. Большой объем опубликованных и неопубликованных материалов по истории Тувы, в том числе

и Уложение, ввел В. И. Дулов. Он привел подробный анализ источниковой базы в своей монографии [Дулов 1956]. Политическое и административное устройство Тувы в Цинский период на основе Уложения рассмотрел В. М. Иезуитов [Иезуитов 1956]. В первом издании «Истории Тувы» [История Тувы 1964] использованы статьи об административном и военном управлении, которые приведены и в переработанном и обновленном издании [История Тувы 2001: 220]. В работе Л. П. Потапова рассмотрены особенности брачно-семейных отношений и приводятся данные о размерах калыма из Уложения [Потапов 1969]. Материалы этого собрания законов использовал в своей монографии и Ю. Л. Аранчин для описания политического и административного устройства Тувы [Аранчин 1982]. На современном этапе изучением тувинского чиновничества как социальной группы в период Цинской империи занимается С. С. Ховалыг [Ховалыг 2016]. Автор статьи в изучении обычного права тувинцев обратился к этому источнику [Дамдынчап 2018].

История появления Уложения связана с завоеваниями маньчжуров в XVII в. После завоевания Халхи маньчжурский император Канси в 1696 г. ввел «Монгольское уложение»: «Цинские власти оставили у монголов правовую организацию и подкрепляли ее собственными уложениями, принятие которых совпадало с событиями в монголо-маньчжурских отношениях» [Дудин 2016: 28]. Это Уложение основано на монгольских обычаях и нормах, регулировавших отношения в кочевом обществе. После завоевания Джунгарии и Тувы был разработан новый нормативный акт — Уложение китайской Палаты внешних сношений 1789 г. (*Лифаньюань цзэ ли*), более структурированное и предметное, однако в его основе был акт 1696 г. [Дудин 2016: 29].

Но уже в начале XIX в. возникла необходимость в разработке нового свода: «Уложение 1815 года не было переработанным воспроизведением предыдущего — это был новый нормативный акт с обновленной структурой и содержанием» [Дудин 2016: 29]. В данном документе получили отражение нормы уголовного права, частное право регулировалось на основе обычно-правовых норм. Б. В. Базаров отмечает: «В Цин-

ский период при реализации правовых норм маньчжуры, с одной стороны, старались сохранить традиционные права монголов, а с другой — задачи, стоявшие перед Цинским государством, требовали правовых нововведений» [Базаров 2016: 165]. В Монголии это свод обычного права «Халха Джирум», в Туве не было традиции письменной записи нормативных установлений.

История появления и перевода *Лифаньюань цзэ ли* в России связана с деятельностью Российской Духовной миссии в Пекине. Пристав миссии Е. Ф. Тимковский по случаю приобрел Уложение на китайском и монгольском языках для М. М. Сперанского, который передал китайский вариант в азиатский департамент в Санкт-Петербург, а монгольский вариант оставил в Иркутске [Даньшин 2016: 156]. Вывозить книги из Китая в условиях закрытости страны было опасным делом. Перевод был поручен прекрасно знавшему китайский язык В. А. Новоселову, который успел перевести только 10 из 61 тетради, а затем они были переданы С. Липовцеву, который закончил работу и опубликовал Уложение. «Таким образом, российскими исследователями был осуществлен перевод сборника законов Цинской империи для управления Монголией, причем сразу со всех трех языков, на которых он был напечатан, — монгольского, китайского и маньчжурского» [Даньшин 2016: 156–157]. В соответствии с традицией российского законодательства переводчик разделил статьи по главам: административное, военное управление, уголовное право, религиозные отношения, управление Тибетом и отношения с Россией.

В Научном архиве Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований (НА ТИ-ГПИ) находится неполный вариант Уложения. Сборник является важным источником по изучению социально-политического развития, системы судопроизводства и наказаний, а также положения духовенства Тувы в период господства Цинской империи.

Во вводной части Уложения расписана структура Палаты внешних сношений, где подробно регламентировались функции чиновников, разделенных на 6 экспедиций, положение об изучении языков народов, входящих в состав Китая, и соседей, в том числе и русского.

Гражданское право

В первой части Уложения содержится 21 глава, где определялось административно-территориальное деление внешних областей, порядок управления и сбора налогов, обязанности чиновников, право наследования титула, брачно-семейные отношения. Большинство статей касается взаимоотношений маньчжурской знати и местных правителей, монгольских и тувинских. Изменения в системе управления были в сторону уменьшения автономности и превращения правителей в чиновников, утверждаемых в должностях в Пекине: «Также Цинское правительство ликвидировало власть монгольских ханов в аймаках, сохранив лишь съезды хошунных джасаков (монгольских чиновников). Эти съезды были лишены какой-либо самостоятельности, выполняя в основном роль посредников между маньчжурскими властями и монгольскими чиновниками» [Батунаев 2011: 141]. В Туве также сохранялись съезды, например, *тос кожуун чыгыжы*, съезд девяти хошунов, на котором происходила раскладка налогов, решение судебных споров, но реальной власти они не имели.

В Уложении подробно расписаны подати и пошлины, назначения их употребления: например, каждый рудник по добыче каменного угля должен был выплачивать до 1 000 связок медной монеты или 1 лан серебра, третья часть от этой суммы выплачивалась в качестве жалованья надсмотрщикам [Уложение 1828: 128]. Для сбора налогов проводились переписи населения раз в три года. Ежегодно чиновники должны были составлять податные ведомости, закон запрещал ханам и князьям устанавливать дополнительные подати или увеличивать действующие налоги со своих подданных [Уложение 1828: 92]. Система налогообложения была детально разработанной, китайские власти пытались не упустить ни одну из статей дохода.

Отношения между маньчжурской властью и местными правителями регламентировались до мелочей, вплоть до даров, привозимых в Пекин: например, правители должны были доставлять 20 живых баранов или 20 бараньих туш ко двору, за усердие чиновники получали вознаграждение в 3 лана серебра [Уложение 1828: 200]. При этом была установлена жесткая система

наказаний для чиновников: за совершение преступления они лишались своих званий, князья — титулов, к ним могли применять пытки и физические наказания.

Наследственные правоотношения, прежде всего, затрагивали вопросы наследования титулов князей, тайцзиев¹, сыновей маньчжурских царевен. По уложению все сыновья, кроме старшего, получали свои титулы в соответствии с иерархией чинов. Старший же получал титул князя. Титулы могли быть наследственными и временными, например, за особые военные заслуги перед Богдыханом. Регламентировались вопросы усыновления, а также выморочного имущества монгольских князей или чиновников. Все местные правители после присяги на верность правительству считались придворными и государственными чиновниками, и им назначалось соответствующее жалованье по 2 500 лан серебром, шелковыми тканями по 40 кусков [Уложение 1828: 133].

В уложении имелись статьи, регулировавшие брачно-семейные отношения в кругу монгольских и маньчжурских правителей, например, определялся размер подарков в зависимости от социального положения семьи невесты, например, для закрепления брачного договора посылали одного верблюда, 4 лошадей и 4 баранов [Уложение 1828: 319]. В уложении устанавливался минимальный размер калыма — 2 лошади, 2 вола, 20 баранов. За невестами из семей правителей давалось приданое, строго установленное по Уложению, например, 8 горничных и 5 дворовых слуг с семьями [Уложение 1828: 326]. Сговор считался обязательным ритуалом заключения брака, нарушение сговора запрещалось, за похищение невесты устанавливалась имущественная ответственность, выплачивали распространенный штраф — 9 девятков скотины [Уложение 1828: 327]. Закон запрещал заключать браки между китайцами и монголами, наказание было суровым: ношение шейной колодки 3 месяца и после 100 ударов плетью [Уложение 1828: 328].

Интересно, что в Уложении находятся статьи, регулирующие земельные правоотношения, а также вопросы использования земель. Китайцам запрещалось переходить

¹ В цинский период *тайцзи* или *тайджи* — титул монгольских князей.

границы и расселяться на территории Монголии и Тувы [Уложение 1828: 103]. В период установления правления Цинской династии над Монголией и Урянхайским краем сюда стали переселяться китайцы, и это приводило к многочисленным конфликтам по земельному вопросу. Видимо, поэтому он особо регламентировался в Уложении. Между китайцами и местным населением заключался договор. Пастбищные и залежные земли обрабатывать запрещалось. За нарушение этих статей налагалось строгое наказание — от имущественного взыскания до ссылки на каторжные работы [Уложение 1828: 104].

Во всех чжасаках² были организованы запасы житницы, цель которых в Уложении описывается так: «...Правительство не имело другой цели, кроме собственной пользы народа и доставления князьям возможности оказывать помощь тем из их подчиненных, которые, по непредвиденным обстоятельствам, дошли до крайней бедности и разорения...» [Уложение 1828: 124]. Чиновникам вменялось в обязанности следить за состоянием житниц, качеством хранения хлеба.

Особо рассматривается в главе XVII приезд хуанди в Монголию и Туву. Статьи регламентировали поведение местных князей во время охоты хуанди, меры безопасности во время охоты, раздел добычи, размер и виды подарков императору, угощения.

Гражданское уложение рассматривает многие вопросы, касающиеся положения и обязанностей местных правителей, чиновников, имущественных и брачных отношений.

Во втором томе данного Уложения более интересны Воинский устав, уголовное Уложение, постановления по духовенству ламского вероисповедания.

Чжасаки имели не только административно-территориальное значение, но и были военными округами. Устанавливались воинские подразделения и военные должности, учреждались почтовые станции на территории Монголии и Урянхы. Каждый князь был руководителем военного подразделения и нес ответственность за несоблюдение устава. По уставу запрещался тайный вывоз оружия из Китая в Монголию, торговля оружием с Россией и другими странами.

² Чжасак или джасак — в Цинский период административно-территориальная единица, военный округ; а также — правитель хошуна.

Устанавливались меры предосторожности на границах — Уложение предписывало монголам проезжать и въезжать только через определенные пограничные крепости: «...Никому из них не позволяется выезжать чрез другую пограничную крепость, кроме той, в которую кто въехал»³ [Уложение 1828: 64]. Зависимые люди пройти через крепости по своему желанию не могли, только с соизволения князей. Во всех положениях Уложения защищались права китайцев, что проявилось и в запрете: «никому из монголов не позволяется покупать Китайцев и увозить в Монголию. Положение сие должно навсегда оставаться неизменным» [Уложение 1828: 67]. Устанавливались правила пограничной торговли для монголов, обязательное наличие разрешение от своего правителя, необходимость объединения в купеческий союз [Уложение 1828: 67]. Правительство строго следило за передвижениями китайцев и монголов, в случае нарушения Уложения виновные наказывались. Торговля между китайскими и монгольскими купцами должна была проходить в определенных местах, причем торговый обмен осуществлялся под контролем пограничных генералов и амбаней.

Интересно, что запрещалась торговля китайцев в Туве: «Никаким купцам не позволять ездить с товарами к Монголам Танну Урянхайским...» [Уложение 1828: 72]. Покупать товары урянхайцы могли только в Улясутае. А также китайцы не имели права давать товары в долг: «Строжайше запретить Китайским купцам ... под каким бы то предлогом ни было, не давали в долг товаров своих или серебра Танну Урянхайским Монголам...» [Уложение 1828: 72].

Уголовное право

Интерес вызывает изучение уголовного уложения, поскольку предыдущие исследователи ограничивались описанием системы наказаний за преступления. Важно определить, какие виды правонарушений действий относят к преступлениям, определить принципы построения данной части уложения. По китайским законам судьба преступника, осужденного на смерть, решалась всецело только императором, поэтому Палата внешних сношений должна была направлять его дело в Палату уголовных дел Китая.

³ Цитаты в статье приводятся в современной орфографии.

Понятия преступления в Уложении нет, но к нему отнесены убийство, нанесение увечий, разбой, грабеж, кража государственного и частного имущества, супружеская измена, продажа в рабство и др.

В своде законов указаны два вида убийства: умышленное и неумышленное. Применение мер наказания носит ярко выраженный социальный характер, чиновник мог быть наказан уплатой штрафа в 40 лошадей, а простой арат за убийство правителя лишался жизни [Уложение 1828: 77].

Имущественный штраф налагался за нанесение ран или увечий, в зависимости от степени тяжести — от одной лошади до трех девятков скотины [Уложение 1828: 82].

Отдельно Уложение устанавливает ответственность за разбой и грабежи, причем определяется состав правонарушения в незавершенном виде, количество участников, степень тяжести вреда, нанесенного имуществу и здоровью человека, его жизни [Уложение 1828: 82].

Меры наказания за разбой и грабежи устанавливались в зависимости от тяжести преступления: смертная казнь, каторжные работы, ссылка на тяжелые работы на почтовых станциях. Учитывается при наложении ответственности и количество преступников, и степень участия в разбое, поэтому наказание предусматривается разное, от ссылки до смертной казни [Уложение 1828: 84]. Смертная казнь ожидала чиновников, занимавшихся грабежами и разбоями, при этом учитывалась их роль в преступлении [Уложение 1828: 85].

Система наказаний была основана на принципах неотвратимости и соразмерности, допускалось применение к преступникам более сурового наказания на основе обычно-правовых норм [Уложение 1828: 91].

Кража государственного и частного имущества влекла за собой разные по степени тяжести наказания. За кражу казенного имущества в зависимости от степени вины и участия в преступлении определялось наказание в виде ссылки и вплоть до смертной казни [Уложение 1828: 92].

За кражу частного имущества устанавливались меры наказания в зависимости от степени тяжести ущерба, например, за отгон скота более 30 голов — смертная казнь; за отгон скота от 10 до 20 голов скота — главного вора к смертной казни, со-

общников — в ссылку на тяжелые работы; от 6 до 9 голов скота — зачинщика и сообщников в ссылку на тяжелые работы; от 3 до 5 голов — зачинщика в ссылку на тяжелые работы, сообщников — на тяжелые работы на почтовых станциях; не более 2 голов — зачинщика на тяжелые работы, сообщникам — 100 ударов плетью [Уложение 1828: 93]. Документом разрешалась выплата штрафов, соразмерных стоимости скота: 1 бык, лошадь и верблюд приравнивались к 4 баранам [Уложение 1828: 98]. Приводятся статьи, наказывающие за кражу серебряных вещей в зависимости от их стоимости. Дополнительно устанавливались наказания чиновникам и простолюдинам за соучастие, хранение краденого, укрывательство воров, недонесение.

Запрещалось также ограбление могил, что получило свое определение в главе IV «Постановления о гробокопательстве» [Уложение 1828: 99].

Уложение выделяет и новые виды преступлений — прелюбодеяние, за которое устанавливался штраф в размере 9 девятков скотины [Уложение 1828: 111], и любодеяние, супружеская измена жены с человеком подлого состояния, за которое женщину ожидала смертная казнь [Уложение 1828: 111]. В уложении также запрещалась торговля свободными людьми, нарушитель выплачивал 3 девятка скотины и получал 100 ударов плетью [Уложение 1828: 112].

По уголовному уложению человек, чьи права были нарушены, мог обратиться за защитой к чжасаку или главному правителю полка, к которому он принадлежал. Также предоставлялось право кассационной жалобы на решение суда в вышестоящие органы — Корпусному начальнику, Палату внешних сношений. При этом строго регламентировался порядок подачи жалобы, за нарушение налагалось наказание в соответствии с положением жалобщика. Поощрялось доноительство на неправомерные действия своих правителей [Уложение 1828: 117].

В данном своде законов определялись и судебные полномочия правителей хошунов, сумонов. Они осуществляли следствие, имевшее определенные сроки. За тяжкие преступления осуждала преступников Палата внешних сношений. Более тяжелые преступления расследовали чиновники Ургинского амбана.

Среди видов наказания наиболее распространенными были имущественный штраф, который взыскивался скотом; неимущие подвергались телесному наказанию [Уложение 1828: 132]. Правители также несли ответственность за своих подданных, совершивших преступление, уплачивали штраф в размере одного девятка скотин [Уложение 1828: 133]. Имущественные штрафы дифференцировались: один девяток, один семик, один пяток, одна тройка [Уложение 1828: 131]. Таким образом, китайское правительство установило равноценную денежному штрафу замену в соответствии с кочевыми обычаями.

При судебном разбирательстве, а также при проведении следствия возможно было привести обвиняемого к присяге, отказ от которой автоматически означал виновность. Достаточно распространенное явление в правовой практике европейских стран — ордалии или Божий суд.

Достаточно жестоко наказывались побег с места службы солдат, преступников — от ударов плетью до смертной казни [Уложение 1828: 133].

В уложении есть статьи, смягчающие ответственность и даже освобождавшие от нее: наличие престарелых родителей или одного из родителей, если преступник их единственный ребенок [Уложение 1828: 133]. Преступника принуждали в таком случае к ношению шейной колодки в течение 40 дней и наказывали 100 ударами плетью. Легкому наказанию подвергались и буддийские ламы.

Родственники убийцы могли заплатить большой имущественный штраф в размере 81 лошади родственникам убитого и освободить своего родственника [Уложение 1828: 144]. По обычному праву тувинцев штраф за убийство был в таком же размере.

Уложение устанавливало и новые запреты в социальном поведении населения, например, праздновать новый год только в назначенный день, не забивать лошадь на поминках, не развешивать хадаки на перевалах, что нарушало сложившиеся обычаи [Уложение 1828: 152]. Китайское правительство пыталось отменить некоторые обычаи и традиции кочевников.

В главе XIX определялись сроки сыска преступников и правила их поимки. Более интересны параграфы, которые регулируют

поиск беглецов и преступников на территории тумотских монголов. Для поимки преступника назначался наиболее надежный и способный чиновник, который в течение 6 месяцев должен был его найти. Если же он не справится в указанный срок, то в послужной список чиновника вносилось порицание и взыскивался штраф в размере одного девятка и, если в последующие сроки сыска не смог отыскать преступника, он лишался всех чинов, но оставался при должности без надежды на повышение [Уложение 1828: 155]. За поимку преступника в первый назначенный срок чиновник награждался памятными знаками отличия. Таким образом, чиновники были заинтересованы в поимке преступников любыми средствами, поскольку несли личную ответственность.

В уголовной части Уложения установлены меры наказания за преступления меньшей важности. К таковым были отнесены: посягательства на честь, достоинство и репутацию князей, тайцзиев и табунанов⁴; поджог жилища, неумышленный поджог степи, тайги; распространение заразных опасных болезней, таких как оспа, горячка; нарушения обычая предоставления ночлега путнику, особенно зимой; кража имущества путника; умышленное и неумышленное причинение вреда чужой скотине; мошенничество.

Наказания за эти правонарушения носили, прежде всего, имущественный характер. Постатейное изучение уголовного уложения может дать ценный материал для исследования обычного права, его интеграции с положениями китайского уложения.

Ламское духовенство

Четвертая часть уложения содержит постановления о ламском духовенстве. Светская власть контролировала действия священнослужителей, которые получали жалование от правительства. Установлена структура ламского духовенства, обязанности. В этом отношении интересны для изучения обязанности высшего монгольского духовенства. Например, монгольские и ламы других областей должны были в первый день Нового года собраться перед воротами храма, где будут проходить молитвы и религиозные обряды божествам. Монгольские

⁴ Табунаны — зятья маньчжурских императоров.

ламы должны после окончания церемоний преподнести императору хадак с поздравлениями. Особо регламентируется положение Ургинского Кутукту Чжебцзунь дамба, в главе IV. Правительство контролирует и вопросы перерождения высших лам: «Никакой Хубилган (*прим.* буддийское звание) не может быть признан за такового, если не будет утверждён в сем звании законным порядком от установленных властей» [Уложение 1828: 162]. Уложение регулировало порядок производства лам в высшие духовные чины. Высшие должности были избираемыми, но утверждались только китайскими властями. Власти следили и за поведением ламского духовенства [Уложение 1828: 214]. Нарушитель устава монастыря должен быть изгнан, и ни в один монастырь его не должны были принимать, но если кто осмелится его содержать тайно, то налагалось наказание — 40 ударов плетью. Название новому монастырю давал император на основании прошения палаты внешних сношений. Приглашение ламы из монастырей для совершения обрядов, чтения молитв или врачевания только с согласия настоятеля храма или монастыря. Палата внешних сношений составляла список учеников лам, поэтому запрещалось иметь лишних учеников. Молодые и здоровые монголы, находившиеся на военной службе, не могли быть послушниками у лам, женщинам запрещалось становиться монахинями по своему желанию. За укрывательство беглого преступника ламы подвергались такому

же наказанию, что и преступник. Палата внешних сношений выплачивала ламам жалование и обеспечивала продовольствием. Таким образом, Палата внешних сношений регулировала и контролировала деятельность духовенства во внутренних и внешних чжасаках.

В истории Тувы статьи уголовного уложения были применены к участникам восстания «Алдан дургун» («Шестьдесят беглецов»), всех главных руководителей казнили отсечением головы, а потом их головы выставили по всей дороге от ставки амбын-нойона, Самагалдая, до Улясутая для устрашения [История Тувы 2001: 221].

Заключение

Уложение Китайской палаты внешних сношений — наиболее значительный источник в изучении социально-экономического, политического развития Тувы в период господства Маньчжурской династии. Но как правовой источник, имевший влияние на развитие обычного права тувинцев, он практически не рассматривался в исторической литературе по вполне понятным причинам — обычное право было пережитком феодального общества. В Уложении получили отражение те общественные изменения, которые произошли в Цинской империи. Многие статьи в уголовном уложении имеют преемственность с предыдущими законодательствами, но в Уложении система наказания ужесточена. Повседневная жизнь кочевников регламентировалась обычно-правовыми нормами.

Источники

НА ТИГПИ — Научный фонд Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований.

Литература

- Аранчин 1982 — Аранчин Ю. Л. Исторический путь тувинского народа к социализму. Новосибирск: Наука, 1982. 337 с.
- Базаров 2016 — Базаров Б. В. Правовые основы системы управления Внешней Монголией в период маньчжурского господства (XVII – начало XX в.) // Власть. 2016. № 11. С. 164–168.
- Батунаев 2011 — Батунаев Э. В. К вопросу правового статуса Монголии в составе Цинской империи // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 8. С. 139–142.

Дамдынчап 2018 — Дамдынчап В. М. Система наказаний по китайскому Уложению в Цинский период // IV Центральноазиатские исторические чтения. Пространство культур: через призму единства и многообразия. Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (г. Кызыл, 20–23 сентября 2018 г.). Кызыл: Изд-во ТувГУ, 2018. С. 191–193.

Даньшин 2016 — Даньшин В. А. Вклад российской духовной миссии в исследование права Китая // Lex Russica. 2016. № 8 (117). С. 152–167.

Дудин 2016 — Дудин В. П. Генезис монгольского права и его взаимодействие с китайским правом (XIII – начало XX в.) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 1. С. 21–36.

- Дулов 1956 — Дулов В. И. Социально-экономическая история Тувы. XIX – начало XX в. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 608 с.
- Иезуитов 1956 — Иезуитов В. М. От Тувы феодальной к Туве социалистической / ред. О. А. Толгар-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1956. 208 с.
- История Тувы 1964 — История Тувы: в 2 т. / отв. ред. Л. П. Потапов. М.: Наука, 1964. 410 с.
- История Тувы 2001 — История Тувы: в 2 т. Т. I. 2-е изд., перераб. и доп. / под общ. ред. С. И. Вайнштейна, М. Х. Маннай-оола. Новосибирск: Наука, 2001. 367 с.
- Кон 1934 — Кон Ф. Я. Экспедиция в Сойотию. За пятьдесят лет. Собр. соч. Т. III. М.: Изд-во Всеросс. Об-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1934. 294 с.
- Потапов 1969 — Потапов Л. П. Очерки народного быта тувинцев. М.: Наука, 1969. 402 с.
- Рязановский 1931 — Рязановский В. А. Монгольское право (преимущественно обычное). Харбин: Тип. Н. Е. Чинарева, 1931. 352 с.
- Турчанинов 2009 — Турчанинов А. А. Урянхайский край в 1915 году. Кызыл: ТИГИ при Правительстве РТ, 2009. 424 с.
- Уложение 1828 — Уложение Китайской Палаты внешних сношений / пер. с маньчжур. Степан Липовцев. СПб.: тип. Деп. народ. просвещ., 1828. Т. 1. 28 с. Т. 2. 319 с.
- Ховалыг 2016 — Ховалыг С. С. История чиновничества Танну-Тувы (середина XVIII – конец XIX в.) // Новые исследования Тувы. 2010. № 3. С. 155–173.

Sources

Tuvan Institute for Humanities and Applied Socioeconomic Research, Scientific Archive.

References

- [Code of the Chinese Chamber for External Relations]. S. Lipovtsev (transl.). St. Petersburg: Department of National Education, 1828. Vol. 1, 28 p.; vol. 2, 319 p. (In Russ.)
- [History of Tuva]. In 2 vols. Vol. I. 2nd ed., rev. and suppl. S. I. Vaynshteyn, M. Kh. Mannay-oool (eds.). Novosibirsk: Nauka, 2001. 367 p. (In Russ.)
- [History of Tuva]. L. P. Potapov et al. (eds.). Tuvan Research Institute of Language, Literature and History. Moscow: Nauka, 1964. 410 p. (In Russ.)
- Aranchyn Yu. L. [Tuvan People: Historical Path towards Socialism]. Novosibirsk: Nauka, 1982. 337 p. (In Russ.)
- Batunaev E. V. On some problem of legal status of Mongolia as a part of Tsinsky (Qing) Empire. *Buryat State University Bulletin*. 2011. No. 8. Pp. 139–142. (In Russ.)
- Bazarov B. V., Khishigzhargal G. Legal foundations of the administration system of the Outer Mongolia in the period of the Manchu domination (17th – early 20th centuries). *Vlast' (The Authority)*. 2016. No. 11. Pp. 164–168. (In Russ.)
- Damdynchap V. M. System of punishment according to Qing-era codes. In: [4th Central Asian Historical Readings. Space of Cultures: through the Prism of Unity and Diversity]. Conf. proc. (Kyzyl; September 20–23, 2018). Kyzyl: Tuvan State University, 2018. Pp. 191–193. (In Russ.)
- Danshin V. A. Contribution of the Russian spiritual mission in the study of law of China. *Lex Russica*. 2016. No. 8 (117). Pp. 152–167. (In Russ.)
- Dudin V. P. Genesis of Mongolian law and its interaction with Chinese law (13th – early 20th centuries). *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2016. No. 1. Pp. 21–36. (In Russ.)
- Dulov V. I. [Socioeconomic History of Tuva: 19th – Early 20th Centuries]. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1956. 608 p. (In Russ.)
- Iezuitov V. M. [From Feudal Tuva to Socialist One]. O. A. Tolgar-oool (ed.). Tuvan Research Institute of Language, Literature and History. Kyzyl: Tuvan Book Publ., 1956. 208 p. (In Russ.)
- Khovalyg S. S. History of officials of Tannu-Tuva (the middle XVIII – the end of XIX centuries). *The New Research of Tuva*. 2010. No. 3. Pp. 155–173. (In Russ.)
- Kon F. Ya. [Over the Fifty Years: Collected Works]. Vol. 3: Expedition to Soyotia. Moscow, 1934. 294 p. (In Russ.)
- Potapov L. P. [Tuvans: Sketches of Everyday Life]. Moscow: Nauka, 1969. 402 p. (In Russ.)
- Ryazanovsky V. A. [Mongolian (Largely Customary) Law]. Harbin: N. Chinarev, 1931. 352 p. (In Russ.)
- Turchaninov A. A. [Uryankhay Krai in 1915]. Kyzyl: Tuvan Humanities Research Institute, 2009. 424 p. (In Russ.)

